

Все это постепенно приводило к тому, что ирландский язык становился как бы ненужным и, являясь символом национальной независимости, перестал выполнять свои основные функции — быть средством коммуникации. К верно названному автором статьи причинам постепенного отмирания ирландского языка как языка общения хочется добавить еще одну: ирландский по сравнению с английским необычайно труден. Обилие супплетивных форм и сложная система употребления лениции и эклипсиса (регулярные чередования начальных согласных, вызванные грамматическими факторами) явно проигрывают на фоне подкупающего аналитизма английского языка.

Надо отметить, что интересная и богатая материалом статья А. И. Павленко, к сожалению, часто почти текстуально повторяет введение к книге А. П. Саруханян «Современная ирландская литература»⁵; большая самостоятельность, несомненно, сделала бы работу глубже и еще интереснее.

Культурные и лингвистические процессы, протекавшие в Ирландии, во многом сходны с аналогичными процессами в Бретани, которой посвящена статья Л. В. Покровской («Бретонцы. К вопросу о национальном возрождении»). Подобно англичанам французы насильственно искореняли бретонский язык; подобно ирландцам бретонцы постоянно боролись за свою политическую и культурную свободу. Так же как и в Ирландии, в Бретани ясно видны две основные группы носителей бретонского языка: крестьяне, сохраняющие также народные обычаи, танцы, национальную обувь — сабо и знаменитые кружевные чепцы, и интеллигенция, эти традиции воспринимающая осознанно.

Движение, носящее название Бретонского возрождения, появилось уже в конце XVIII в. как реакция на романтическое устремление к народной культуре вообще и к кельтам в частности. Важными этапами в развитии этого движения были труды Ж. Ф. Ле Гонидека, выпустившего грамматику бретонского языка и франко-бретонский словарь (автор статьи почему-то называет его «кельтско-бретонским»), и Э. де Ля Вильмарке, литературоведа и фольклориста, наиболее известным произведением которого является сборник «Народные песни Бретани» (1839 г.): частично литературные обработки действительно народных песен, частично же подделки под них (в состав сборника входят только песни, сказок же и поговорок, как не совсем точно отмечает Л. В. Покровская, в нем нет).

Дальнейшее развитие Бретонского возрождения тоже очень напоминает национальное движение в Ирландии: образование обществ и комитетов, смешение культуры и политики, борьба за сохранение национальных обычаев и при всем этом — экономическая зависимость и вынужденное принятие языка и культуры «завоевателей», в данном случае французов. Коренным отличием Бретани от Ирландии в наши дни является, безусловно, то, что Бретань не обладает политической независимостью и многие процессы, которые в Ирландии протекают спокойно и идут «сверху», в Бретани оказываются результатом упорной борьбы патриотов своего языка, как, например, введение преподавания бретонского в школе.

«Современный человек, предпочитающий жить в индустриальном городе, постоянно помнит о своих корнях», — пишет французский кельтолог Ж. Маркаль⁶. Но особенно живыми и вместе с тем особенно далекими кажутся эти корни, когда традиционному противопоставлению города деревне сопутствует противопоставление двух культур: местной, коренной и пришедшей извне, навязанной силой или необходимостью. В такой ситуации национальный язык, культура, одежда, обычаи приобретают особый смысл, носят «демонстративный характер, выступают как символ национального самосознания». Эти слова, так удачно сказанные Л. В. Покровской о бретонцах (с. 133), можно было бы отнести сейчас ко всем кельтским народам, на протяжении веков борющимся за то, чтобы удержаться, сохраниться на этнической карте Европы, борющимся уже не столько против кого-то, сколько просто за самих себя.

Т. А. Михайлова

⁵ Саруханян А. П. Указ. раб.

⁶ Hélias P. J., Markale J. La sagesse de la terre. P., 1978, p. 5.

Julian Krzyżanowski. Szkice folklorystyczne. T. I. Z teorii i dziejów folkloru. Kraków, 1980, 447 s.; t. II. W kręgu pieśni. W krainie bajki. Kraków, 1980, 399 s.; t. III. Wokół legendy i zagadki. Z zagadnień przysłowioznawstwa. Kraków, 1980, 448 s. (Ю. К ш и ж а н о в с к и й. Фольклористические очерки. т. I—III.)

Академику Юлиану Кшижановскому, выдающемуся польскому фольклористу и литературоведу, в 1982 г. исполнилось бы 90 лет. Автор фундаментальных трудов, среди которых монографии «Былины» (1934), «Параллели» (1935), «Мудрой голове достаточно двух слов» (1958), составитель двухтомного «Указателя сюжетов польской сказки» (1962—1963), основатель и многолетний редактор журнала «Literatura Ludowa» («Народная литература»), редактор и автор статей энциклопедического «Словаря польского фольклора» (1965), Ю. Кшижановский был хорошо известен советской научной общественности и сам постоянно знакомил польских коллег с достижениями русской и советской фольклористики. Незадолго до смерти он подготовил к печати свои мно-

гочисленные статьи, вошедшие в рецензируемый трехтомник «Фольклористические очерки». Эти статьи публиковались в различных периодических изданиях в 1933—1975 гг. и собранные воедино, систематизированные и обстоятельно прокомментированные, существенно дополняют представление читателей о плодотворной деятельности Ю. Кшижановского, о широте его научных интересов в области фольклористики и об особенностях его исследовательского метода. Многие из этих работ не только вызывают большой историографический интерес, но и не утратили значения для современной науки.

Первый том объединяет статьи, посвященные в основном истории и методологии фольклористики. Ю. Кшижановский был одним из тех ученых XX в., кто способствовал определению фольклористики как самостоятельной науки, поэтому неудивительно, что в ряде статей он теоретически, а подчас и полемически обосновывал эту идею. Фольклористика в ПНР в первое время развивалась обособленно от этнографии и сближалась с литературоведением. Однако характерно, что хотя во многих выступлениях Ю. Кшижановский однозначно определял фольклор как «народную литературу», но в конечном счете он признал, что предмет фольклористики составляет вся «духовно-художественная культура социальных групп, называемых народом», а самой науке отвел пограничное место между этнографией и литературоведением (и фактически шире — искусствоведением)¹. Общественной средой, создающей фольклор, наряду с крестьянством, Ю. Кшижановский считал также городское население, ремесленников и рабочих (статья «Городской фольклор») и шире — любой социум, сохраняющий коллективный образ жизни («Несколько слов о старопольском фольклоре») ². В связи с этим ученый сближает фольклористический метод с социологическим ³ и подчеркивает отличия фольклорной текстологии от литературоведческой ⁴.

Придавая большое значение историко-сравнительному изучению фольклора и развивая соответствующие идеи Г. Париса, А. Н. Веселовского, А. д'Анконы, И. Больте и других компаративистов XIX в., Ю. Кшижановский в ряде статей («Фольклор пограничных областей», «Из пограничья польского и русского», «Польско-венгерское пограничье в мире фольклора» и др.)⁵ рассматривает взаимосвязи польского фольклора с фольклором соседних народов — русского, украинского, белорусского, венгерского, немецкого. Особое значение имеют капитальные работы Ю. Кшижановского, посвященные фольклору славянских народов и историографии его изучения («Славянская народная литература», «Народная литература в парижских лекциях [Мицкевича]») ⁶.

Проблеме истории фольклористики в рецензируемом издании отводится большое место. Это прежде всего статьи, посвященные польской науке («Польская фольклористика», «Двухсотлетие польской фольклористики», «Фольклор, идеология и творчество великой эмиграции», «Польская фольклористика эпохи романтизма в Петербурге и в Киеве», «Наша современная наука о народной литературе») и очерки о ее выдающихся деятелях — З. Доленге-Ходаковском, Ю. Ломпе, К. Вуйцицком, О. Кольберге, З. Глогере, М. Федеровском, В. Клингере, С. Пигоне, Ю. Зборовском, Я. Быстроне и др. Взгляд автора на историю отечественной фольклористики характеризуется историзмом, объективностью, глубоким анализом научных идей и заслуг предшественников и современников, критическим отношением к некоторым явлениям (например, к реакционным тенденциям в деятельности «Tygodnika Petersburskiego»). Ю. Кшижановский не обошел вниманием и крупнейших представителей европейской фольклористики (специальные очерки он посвятил В. Андерсону и Дж. Коккьяре). Советских читателей заинтересуют также неоднократные блажелательные ссылки Ю. Кшижановского на труды русских и советских исследователей — А. М. Астаховой, Н. П. Андреева, П. Г. Богатырева, Ю. М. Соколова, В. И. Чичерова, А. В. Позднеева, Н. И. Кравцова и др.⁷, особенно проникнутый глубоким уважением очерк о М. К. Азадовском⁸. Указывая в ряде случаев на приоритет русской науки в исследовании актуальных проблем и новаторский характер советской фольклористики, Ю. Кшижановский вместе с тем корректно полемизирует с некоторыми ее представителями и справедливо критикует, например, вульгарно-социологическую концепцию истории сербского эпоса в книге Н. И. Кравцова⁹.

Укажем также на то, что в исследованиях фольклора, в частности эпоса славянских народов, Ю. Кшижановский решительно отстаивал свои позиции, полемизируя и с предшественниками, и с современниками. Так, сближаясь во взглядах на время и место сложения русского эпоса с русской «исторической школой» (М. Е. Халанский, Н. И. Костомаров, С. К. Шамбинаго и др.), Ю. Кшижановский вместе с тем рассматривал былинны в тесной связи с эпосом других народов мира и высказал убедительные аргументы против романтической концепции происхождения русского эпоса.

В 1930-е годы ему пришлось вести длительную и острую дискуссию по поводу своей книги «Былины» с известным берлинским ученым А. Брюкнером и другими (статьи «Богатырская контратака А. Брюкнера», «О давности традиционных текстов», «Польша

¹ Krzyżanowski J. Szkice folklorystyczne, t. I, s. 35, 47, 57 (примеч. 21), 174 и др. Ср.: *ego же*. Folklor. — В кн.: Słownik folkloru polskiego. Warszawa, 1965, s. 104—106.

² Krzyżanowski J. Szkice folklorystyczne, t. I, s. 399—404.

³ Ibid., s. 16—17.

⁴ Ibid., s. 68.

⁵ Ibid., s. 107—136.

⁶ Ibid., s. 75—96, 166—211.

⁷ Ibid., s. 44—45, 76—77, 82, 123, 125 и др.; t. II; s. 44, 49, 134, 141.

⁸ Krzyżanowski J. Szkice folklorystyczne, t. I, s. 356—359.

⁹ Krzyżanowski J. Szkice folklorystyczne, t. II, s. 122—125.

в былинном мире» и др.)¹⁰. Некоторая односторонность суждений самого автора «Былин» очевидна в свете последующих исследований русского эпоса в советской науке. В целом же и книга Ю. Кшижановского и полемика вокруг нее — важный этап в истории польской фольклористики и в международной историографии русского эпоса. Большой историографический интерес представляют и обзор Ю. Кшижановского «Из исследований древнерусской поэзии в межвоенный период»¹¹ и его статья о «Слове о полку Игореве»¹².

Наряду с былинами польского исследователя глубоко интересовал и южно-славянский эпос, которому он посвятил специальную статью¹³ и обширный раздел исследования о фольклористической концепции Адама Мицкевича¹⁴.

Наиболее значительную часть фольклористического наследия Ю. Кшижановского, пожалуй, составляют его работы в области сказковедения — им отведено две трети второго тома рецензируемого издания. На протяжении всей своей деятельности Ю. Кшижановский целеустремленно занимался классификацией польских народных сказок; отдельные этапы этого труда отразились в статьях «Силезские народные сказки» (1936), «На пути к истории народной сказки» (1945), «Фантастическая сказка в Польше» (1949), «Систематика польской сказки» (1962). Ю. Кшижановского польская сказка интересовала не только в общенациональном облике («Польская сказка», «Народная сказка в старой Польше»), но и в ее своеобразных региональных версиях (статьи «Словинско-Кашубская сказка», «О мазурских сказках», статьи о гуральских и силезских сказках). Применяя сравнительный метод к изучению сказочного эпоса, исследователь раскрывал сложный процесс взаимосвязей между сказками этнически родственных народов («Народная сказка как выражение славянской общности», «Сага о Яносике, словацком и польском народном герое», «В мире югославянской сказки», «Сказочник из Чешской Силезии»), а также типологическое сходство и взаимовлияние сказок народов Европы (специальные статьи посвящены немецким и литовским сказкам) и Азии (статьи о сказках «Тысячи и одной ночи» и о бирманских сказках). В поле зрения Ю. Кшижановского всегда находились и восточно-славянские сказки и их издания в Советском Союзе (от переиздания «Народных сказок» Афанасьева до новых публикаций Н. В. Новикова)¹⁵. Теоретические и историографические взгляды Ю. Кшижановского лаконично сформулированы в его энциклопедической статье «Народная сказка»¹⁶. Мимо сказковедческих работ Ю. Кшижановского не может пройти ни один фольклорист, особенно велико их значение для исследователей восточно-славянских сказок. Эта мысль недавно была высказана по поводу венчающего деятельность Ю. Кшижановского в этой области системного указателя сказочных сюжетов: «...это не только лучший из европейских каталогов, но и наиболее авторитетный каталог одного из родственных русским, украинцам, белорусам славянских народов»¹⁷.

Наряду со сказкой Ю. Кшижановский изучал также и другие жанры устной прозы, чаще — в связи и в сравнении со сказочным эпосом («Сага о Яносике», «Силезские предания и сказки»)¹⁸, одна работа посвящена народным легендам и их отзвукам в литературе¹⁹.

Сравнительно меньше, чем об эпических жанрах, Ю. Кшижановский писал о лирических и лироэпических песнях. Общий обзор изучения польской народной песни и характеристику основных песенных видов и жанров содержит очерк «Народная светская песня»²⁰, ряд статей и рецензий посвящен песням литературного происхождения («Популярные песни», «Ярмарочные листки»)²¹ и различным отечественным и зарубежным, в том числе и советским изданиям польских народных песен («На дорогах и бездорожья нашей народной песни», «Из достижений нашей фольклористики»)²².

Третий том «Фольклористических очерков» почти целиком состоит из исследований в области паремииологии и включает более двадцати статей, эссе и публикаций, большая часть которых написана в 1956—1970 гг. в связи с подготовкой четырехтомного свода польских пословиц и поговорок (главным редактором которого был Ю. Кшижановский). Эта часть рецензируемого издания отличается подлинной энциклопедичностью и едва ли не с исчерпывающей полнотой освещает теоретические, историографические, текстологические и эдиционные проблемы современной польской паремииологии. Ю. Кши-

¹⁰ Ibid., s. 82—104. Отметим, что некоторые взгляды А. Брюкнера на русские былины ранее критиковал Б. М. Соколов, см. *Соколов Б. М.* Новейшие труды иностранных ученых по русскому эпосу. — *Художеств. фольклор.* М., 1929, вып. IV—V; *его же.* Об историко-социологическом методе изучения былин. — Юбилейный сб. в честь акад. П. Н. Сакулина. М., 1931; Библиографию полемики в польской печати см. *Krzyzanowski J.* Szkice folklorystyczne, t. II, s. 83 (примеч. 2).

¹¹ Ibid., s. 67—81.

¹² Ibid., s. 105—113.

¹³ Ibid., s. 114—129.

¹⁴ *Szkice folklorystyczne*, t. I, s. 193—203.

¹⁵ Ibid., t. II, s. 368—370.

¹⁶ Ibid., s. 133—143.

¹⁷ Предисловие к кн.: Сравнительный указатель сюжетов. Восточно-славянская сказка/Составители Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979, с. 11.

¹⁸ *Krzyzanowski J.* *Szkice folklorystyczne*, t. II, s. 292—311, 330—337.

¹⁹ Ibid., t. III, s. 7—15.

²⁰ Ibid., t. II, s. 7—22.

²¹ Ibid., s. 23—28, 55—66.

²² Ibid., s. 37—54.

жановский определяет предмет и границы паремнологии как специальной фольклористической дисциплины, ее место среди других гуманитарных наук —. В ряде статей характеризуются жанровые (структурные) особенности пословиц и поговорок, а также их связи и взаимоотношения со сказкой, загадкой и другими близкими жанрами²⁴. Ю. Кшижановский исследует истоки и историю этого вида народного творчества, а также историю собирания, издания и изучения пословиц и поговорок²⁵. В связи с этим ряд очерков освещает деятельность выдающихся польских паремнологов — С. Рысиньского, С. Адальберга, Я. Быстроны и др.²⁶ В цикле небольших эссе и этюдов анализируются происхождение, смысл и поэтика отдельных пословиц, поговорок и идиом (некоторые из этих миниатюр оставались в рукописях и впервые публикуются в этом томе)²⁷. Во всех названных направлениях исследований Ю. Кшижановский учитывает опыт европейской науки, изучает польские пословицы и поговорки в широком международном контексте (в том числе и в связи с пословицами и поговорками соседних, славянских народов), а также прослеживает их влияние на литературу, следы этого влияния и творчестве польских писателей.

Заключает третий том большое приложение, состоящее из библиографического указателя к статьям сборника, указателя имен и названий работ Кшижановского и других авторов, а также указателя образов и персонажей фольклорных и литературных произведений. Особые индексы ориентируют читателя в сюжетах и мотивах разных произведений фольклора, в том числе пословиц и поговорок.

«Фольклористические очерки» подготовлены к изданию с большой тщательностью и почти исчерпывающей полнотой, каждый том снабжен большим количеством иллюстраций. Можно лишь сожалеть, что в издание не вошла содержательная энциклопедическая статья Ю. Кшижановского «Фольклор» (1965), важная для понимания теоретических взглядов ученого (отсутствие этой статьи особенно заметно, поскольку некоторые другие статьи из «Словаря польского фольклора» в трехтомник включены). Комментарии помогают ориентироваться в наследии выдающегося польского ученого, в обстоятельствах, способствовавших появлению той или иной статьи или вызвавших полемику, существенно дополняют литературу по затронутым в статьях проблемам ссылками на другие работы автора и на появившиеся позже работы других авторов, как польских, так и зарубежных, в том числе советских. Заметим лишь, что не всегда легко отделить комментарии Ю. Кшижановского от дополнений издателей, а в библиографии есть и некоторые пропуски.

Издание работ Ю. Кшижановского свидетельствует о большом внимании к народной культуре в социалистической Польше. Отражая значительный этап в истории польской фольклористики XX в., оно, осмысленное в свете современных научных проблем, будет способствовать новым исканиям и достижениям в области изучения искусства народных масс.

В. Е. Гусев

²³ Ibid., t. III, s. 58—67, 76—90.

²⁴ Ibid., s. 39—57, 91—122, 177—202, 133—149.

²⁵ Ibid., s. 68—75, 150—176.

²⁶ Ibid., s. 212—308.

²⁷ Ibid., s. 123—132.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Корейские предания и легенды из средневековых книг. Пер. с ханмуна/Составление и коммент. Концевича Л., вступит. статья Рифтина Б. М.: Худож. лит., 1980. 286 с.

Подготовленное коллективом ведущих советских корееведов собрание корейских мифов и преданий представляет собой важный и ценный вклад в изучение древней и своеобразной культуры Кореи. Хотя основными источниками, из которых черпались мифы и предания, послужили сочинения сравнительно поздней эпохи (XII—XIII вв.), поскольку более ранних записей не сохранилось, не вызывает сомнения, что корни многих из них уходят в глубокую древность. Пожалуй, ни одна достаточно древняя и достаточно развитая мифологическая система не может сейчас считаться совершенно «чистой», свободной от инородных заимствований и напластований. Корейские мифология и фольклор в этом смысле не исключение, хотя в последние годы все активнее выдвигается концепция «автохтонного» происхождения корейцев и их культуры. В силу географических и исторических условий Корея находилась как бы на перекрестке древних мировых путей: с юга на север (так называемая восточная меридиональная магистраль, сыгравшая, как считают многие исследователи, большую роль в этнических процессах Восточной Азии) и с запада (Индия, Китай) на восток (Япония). По мнению специалистов, в этногенезе корейцев прослеживаются два крупных компонента — северный (народы алтайской языковой семьи, и в первую очередь тунгусо-маньчжурские племена, а также, возможно, и палеоазиаты) и южный (аустронезийский). Наиболее значительным, видимо, следует признать первый из них, что подтверждается антропологическим обликом, духовной культурой и языком корейцев. В поздние эпохи Корея